

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.58.46.046

Фетиш преступника как симптом перверсивной структуры: возможности применения в теории криминологии

Эксанова Алсу Асятовна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра социально-гуманитарных наук,
Нижегородская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
603950, Российская Федерация,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: zuikowaalsu@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию фетиша в структуре криминального поведения с позиций лакановского психоанализа, рассматриваемого как ключ к пониманию перверсивной организации психики субъекта. Цель работы заключается в обосновании эвристического потенциала психоаналитической модели Ж. Лакана для криминологической теории, в частности — для объяснения механизмов формирования и повторяемости преступных паттернов. Исходя из фундаментального разграничения невротической, психотической и перверсивной структур, автор демонстрирует, что фетиш выступает не изолированной девиацией, а системообразующим симптомом, который регулирует отношение субъекта к закону, символической нехватке и чрезмерному наслаждению (*jouissance*). С опорой на категории объекта а, означающего и кастрации раскрывается, как фетиш задает специфическую логику криминального действия, замещая травматический разрыв реальности ритуализированным сценарием насилия или обладания. В работе показано, что «означающая» природа фетиша обуславливает жесткую фиксацию места, времени и объектов в серийных преступлениях, что открывает новые возможности для криминалистической типологизации и построения психологического профиля. Сопоставляя клинические логики с криминологическими реалиями, автор обосновывает практическую применимость психоаналитической оптики для дифференциальной диагностики преступного поведения и прогнозирования рецидивов. В заключении делается вывод о продуктивности интеграции психоаналитических концептов в междисциплинарный инструментарий криминологии, позволяющий перейти от описания внешних признаков преступления к реконструкции его бессознательной матрицы.

Для цитирования в научных исследованиях

Эксанова А.А. Фетиш преступника как симптом перверсивной структуры: возможности применения в теории криминологии // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 6А. С. 452-459. DOI: 10.34670/AR.2026.58.46.046

Ключевые слова

Криминальная теория, фетиш, перверсия, криминальное поведение, симптом, уголовное право.

Введение

Традиционные криминологические и психологические подходы к исследованию преступного поведения преимущественно выстраиваются в регистре социальных детерминант, мотивационных структур, когнитивных искажений, нейробиологических факторов (включая корреляции с черепно-мозговыми травмами) либо патологии влечений. Каждая из этих парадигм, при всей своей эмпирической состоятельности, отвечает на вопрос «почему» — почему при определенных условиях субъект избирает противоправный способ действия. Однако за рамками такого объяснения нередко остается иной, более фундаментальный вопрос: какое именно устройство психики делает само преступное деяние возможным как феномен субъективности?

Именно этот регистр анализа открывает психоанализ, и в особенности — структурная теория Ж. Лакана. В лакановской парадигме тип организации психики — невротическая, психотическая или перверсивная — задает априорную логику отношения субъекта к символическому закону, запрету и желанию. Каждая из этих структур по-своему выстраивает границы допустимого, и, следуя лакановской логике, именно перверсивное устройство психики обнаруживает наибольшую предрасположенность к криминальному действию. Перверзный субъект не просто нарушает закон — он конструирует собственный закон, отторгая общепринятый, чтобы легитимировать достижение своего желания и одновременно ограничить наслаждение (*jouissance*) Другого [Лacan, 1966]. В этом смысле преступное деяние оказывается не следствием внешнего давления или внутреннего дефекта, а способом существования субъекта в поле Другого.

Ключевым симптомом, позволяющим «прочитать» эту особую организацию желания, выступает фетиш. В перверсивной структуре фетиш не является случайным атрибутом или периферийным отклонением — напротив, он выполняет структурную функцию компенсации фундаментальной нехватки и одновременно служит точкой фиксации наслаждения [Лacan, 1973]. Благодаря этой функции фетиш позволяет субъекту действовать, не признавая символической кастрации и тем самым избегая травматического столкновения с отсутствием. Как показал еще З. Фрейд, фетиш работает в качестве заместителя вытесненного содержания, удерживая смысл и аффект там, где прямое переживание невыносимо [Фрейд, 1990]. В лакановском прочтении этот механизм приобретает лингвистическую размерность: фетиш функционирует как означающее, фиксирующее желание в цепи субъективных репрезентаций.

Важно подчеркнуть: фетиш сам по себе не выступает причиной преступления. Он является психическим посредником, проводником, который связывает глубинный внутриспсихический конфликт с конкретным внешним действием, высвобождая колоссальное напряжение застрявшего аффекта. Именно эта посредническая функция делает фетиш столь значимым для криминологического анализа: через его деконструкцию можно выйти к логике криминального желания, к тем бессознательным сценариям, которые повторяются в серийных преступлениях, определяя выбор объекта, времени и способа действия.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать, каким образом теоретический аппарат лакановского психоанализа позволяет осмыслить фетиш преступника как симптом перверсивной структуры и, соответственно, как инструмент понимания логики криминального желания. В работе предпринимается попытка показать, что психоаналитическая модель не просто дополняет традиционные криминологические объяснения, но предлагает

принципиально иной срез реальности — срез субъективной структуры, в которой преступление становится не отклонением, а закономерным исходом внутренней организации психического аппарата.

Материалы и методы исследования

В теоретическом аппарате Ж. Лакана симптом радикально переосмысливается: он перестает быть негативным маркером патологии или простым «нарушением» функционирования психики. Напротив, симптом предстает как фундаментальный способ, посредством которого субъект организует свое наслаждение (*jouissance*) в условиях символической нехватки, конституирующей само вхождение в язык и социальный порядок. Симптом всегда укоренен в означающем, всегда несет смысл и выполняет строго определенную функцию: он делает возможным само существование субъекта в символическом порядке, пусть и ценой страдания (как при неврозе) или ценой радикального отказа от признания всеобщего запрета (как при перверсии) [Lacan, 2004]. Иными словами, симптом — это не то, что «мешает» субъекту жить, а то, что позволяет ему выживать в психической реальности, структурируя его отношение к Другому и к собственному желанию.

Ключевое различие между клиническими структурами задается именно тем, как субъект выстраивает это отношение к закону и к тому, что Лакан обозначает термином «символическая кастрация» — то есть к фундаментальному факту отсутствия, разрыва в поле означающих, который делает желание возможным, но одновременно и невозможным в своем полном удовлетворении. Невротически организованный субъект признает существование запрета, интериоризирует его и страдает от этого признания, разворачивая механизмы вытеснения, вины и тревоги. Психотический субъект, напротив, сталкивается с распадом самого символического порядка: запрет для него не действует, но это оборачивается крушением означающего и, как следствие, дезорганизацией субъективной позиции. Перверсивный же субъект занимает принципиально иную позицию: он не отрицает закон в простом смысле, но действует так, будто закон существует лишь для Другого, а не для него самого. Он не столько нарушает запрет, сколько переписывает его под себя, конструируя собственную нормативность, в которой его действие обретает внутреннюю легитимность.

В этом контексте важно подчеркнуть: перверсия у Лакана — это отнюдь не моральная или этическая категория, не поведенческий шаблон и не синоним девиации в бытовом смысле слова. Это строго структурная характеристика организации желания, при которой субъект отказывается от признания собственной нехватки и вместо этого выстраивает сложную систему компенсаций, позволяющих ему сохранять иллюзию полноты. Именно эту функцию и берет на себя фетиш.

Фетиш в перверсивной структуре выступает как квинтэссенция компенсаторного механизма: он маскирует фундаментальную нехватку, замещает отсутствующий объект и тем самым позволяет субъекту продолжать испытывать желание и действовать, минуя травматическое столкновение с пустотой. Лакан особо подчеркивает, что перверзный субъект не вытесняет знание о кастрации — он в полной мере «знает» о ней, но отказывается ее признать на уровне субъективной позиции. И фетиш служит именно той материальной или означающей опорой, которая делает это непризнание устойчивым и операциональным [Lacan, 1966]. Фетиш не просто «замещает» отсутствующий объект, но структурирует само поле действия, задавая его

сценарий, ритуал и границы.

Для криминологического анализа это имеет решающее значение. Если в неврозе симптом обращен внутрь и порождает страдание, а в психозе — дезинтегрирует субъекта, то в перверсии симптом выносится вовне и реализуется в действии, часто — в действии, адресованном Другому и нарушающем его границы. Преступное деяние в этом случае перестает быть случайным или ситуативным срывом: оно становится развернутым симптоматическим актом, в котором фетиш играет роль смыслового центра и энергетического ядра. Именно поэтому деконструкция фетиша как структурного симптома открывает доступ к пониманию не просто мотивов, а самой психической логики, которая делает преступление не только возможным, но и внутренне необходимым для данного субъекта.

Результаты и обсуждение

Ключевая формула, которую предложил Ж.Лакан «бессознательное структурировано как язык» [Дольто, 2015] задаёт лингвистическую модель анализа любого симптома, включая фетиш. Означающее не отсылает напрямую к объекту, а вступает в отношения с другими означающими через механизмы замещения и метафоры. Фетиш, таким образом, становится точкой фиксации в цепи означающих: он «застывает» как особое означающее, которое приобретает избыточную значимость и структурирует желание субъекта. В криминальном контексте фетиш может выступать как маркер сценария: он задаёт условия действия, определяет его форму и даже разрешает его. Например, определённый предмет, ритуал или деталь обстановки могут становиться необходимыми звеньями цепи, без которых действие не может состояться. Это не просто «обряд» или «ритуал», это структурный элемент, который делает действие осмысленным и оправданным в логике желания. Важно, что смысл фетиша порождается не в сознании субъекта, а в глубинах бессознательного как система связей между означающими. Поэтому фетиш нельзя понять через рационализацию, он работает на уровне символической логики, где предмет становится носителем смысла, структурирующего желание.

Концепт «объекта а» (*objet petit a*) у Лакана обозначает объект-причину желания — то, что делает желание возможным, оставаясь при этом недостижимым. Объект а не является реальным объектом, а выполняет структурную функцию: он указывает на дефицит, вокруг которого организуется желание.

В перверсивной структуре объект а используется иначе, чем в невротической. В неврозе объект а скорее вызывает тревогу и вину, тогда как в перверсии он становится инструментом, позволяющим субъекту поддерживать свою позицию и организовывать наслаждение [Мильнер, 2018]. Фетиш в этом контексте не совпадает с (объектом а), но выступает его заменителем: он фиксирует недоступный объект вожделения, делая его осязаемым и управляемым.

Криминальное действие в перверсивной структуре можно рассматривать как способ «использовать» (объект а) для поддержания позиции субъекта. Преступление становится сценарием, в котором (объект а) или его заместитель-фетиш занимает ключевое место: он оправдывает деяние, придаёт ему смысл и обеспечивает наслаждение. Таким образом, фетиш преступника — это не побочный элемент, а структурно необходимый компонент, в его внутриспсихической конструкции, который позволяет субъекту действовать в условиях непризнания символической кастрации.

Криминальное действие как перверсивный сценарий

Криминологическое описание преступного поведения часто фиксирует повторяемость определённых деталей: ритуалов, выбора места, времени, объектов, способов совершения преступления. С лакановской точки зрения, эти детали не случайны: они образуют символическую структуру, которая отражает логику желания субъекта.

Повторяемость в преступном поведении может быть понята как проявление симптоматической логики: субъект возвращается к одному и тому же сценарию, потому что именно в нём он находит способ организовать своё наслаждение. Фетиш здесь становится маркером этого сценария: он сигнализирует о точке фиксации желания и о способе обхода запрета. Например, в серийных преступлениях определённые предметы или действия могут приобретать характер обязательных фрагментов ритуала. Для внешнего наблюдателя это может выглядеть как «аномалия» или «девиация», но в лакановской призме это – структурные узлы, которые делают действие возможным для субъекта. Фетиш в таком случае не просто сопутствует преступлению, а конституирует его как акт, имеющий смысл в логике желания.

Чтобы точнее обозначить специфику перверсивного регистра, полезно сопоставить его с невротическим. В невротической структуре желание всегда опосредовано запретом: субъект хочет, но не может, и поэтому страдает. Симптом в неврозе – это компромисс между желанием и запретом, который выражается в страдании, тревоге, навязчивых мыслях. В перверсивной структуре логика иная: субъект действует, не признавая запрета, или переопределяет его под себя. Симптом здесь не выражает страдание, а служит разрешающей отправной точкой для действия. Фетиш становится разрешением: он позволяет субъекту продолжать желать и действовать, не сталкиваясь с травмой нехватки.

Преступление в перверсивной логике – это реализация сценария, который структурирован желанием и поддерживается фетишем [Кудрявцев, Эминов, 2020]. Это не означает, что все преступники являются перверсивными в лакановском смысле: речь идёт о структурной типологии, которая позволяет раскрыть определённый тип отношения к закону и желанию. Однако в тех случаях, где преступление носит ритуальный, повторяющийся характер и сопровождается фиксацией на определённых объектах или действиях, лакановский анализ является особенно эффективным.

Практические следствия: психопрофиль и аналитическая перспектива

С точки зрения построения психопрофиля, лакановская модель даёт инструменты для интерпретации не только поведенческих маркеров, но и их символической функции. Фетиш преступника можно рассматривать как точку входа в структуру желания: через анализ того, какой объект становится фетишем, как он включён в сценарий и какую функцию выполняет, можно сконструировать логику действия. Через лакановский анализ мы можем увидеть преступление как симптом, причины которого можно расшифровать. В совокупности с учетом социальных, биологических факторов можно ответить на глубинный вопрос «почему преступное деяние становится возможным».

Заключение

Проведенный в статье структурный психоаналитический анализ позволяет принципиально переосмыслить феномен фетиша в контексте криминального поведения. Как было показано, фетиш преступника не может рассматриваться в качестве изолированной девиации, периферийного симптома или случайного атрибута противоправного акта. Напротив, в оптике лакановской теории он предстает как системообразующий элемент перверсивной организации

психики, раскрывающий глубинные механизмы конституирования желания и специфическую логику отношения субъекта к символическому закону и запрету.

Обращение к категориальному аппарату Ж. Лакана — объекту а, означающему, символической кастрации и *jouissance* — позволило продемонстрировать, каким образом фетиш выполняет в перверсивной структуре компенсаторную функцию, маскируя фундаментальную нехватку и замещая травматическое отсутствие устойчивой означающей опорой. Благодаря этому субъект обретает возможность действовать, не признавая собственной ущербности и не вступая в мучительный диалог с запретом. В этом смысле фетиш не просто «сопровождает» преступное действие — он структурирует его, задавая сценарий, ритуал, выбор объекта, времени и пространства, что объясняет феномен повторяемости в серийных преступлениях и открывает новые перспективы для криминалистической типологизации.

Важнейший вывод, следующий из лакановского анализа, заключается в том, что преступное деяние при перверсивной организации психики не является следствием ситуативного срыва, социального давления или когнитивного искажения в их традиционном понимании. Оно становится развернутым симптоматическим актом — способом существования субъекта в поле Другого, формой утверждения собственного закона вопреки символическому порядку. Такая перспектива смещает фокус криминологического исследования с вопроса «почему» на вопрос «как»: не что толкает субъекта на преступление, а какое устройство психики делает само преступление возможным и внутренне необходимым для поддержания субъективной устойчивости [Решетников, 2019].

Предложенный подход отнюдь не отменяет классические криминологические и психологические модели, но существенно дополняет их, вводя принципиально иной регистр анализа — регистр бессознательной структуры, языка и означающих. Именно в этом состоит эвристическая ценность психоаналитической модели для междисциплинарных исследований на стыке психологии и криминологии. Она позволяет перейти от описания внешних коррелятов преступного поведения к реконструкции его глубинной субъективной матрицы, что, в свою очередь, открывает новые возможности для построения психологического профиля, прогнозирования рецидивов и разработки дифференцированных подходов в судебно-психиатрической экспертизе.

Таким образом, лакановский анализ фетиша как симптома перверсивной структуры не только углубляет теоретическое понимание криминального желания, но и закладывает основания для практической операционализации психоаналитических концептов в современной криминологии. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть связаны с эмпирической верификацией предложенной модели, разработкой диагностических критериев и адаптацией психоаналитического инструментария к задачам прикладной криминологии.

Библиография

1. Дольто Ф. Бессознательное и язык. М.: Гнозис, 2015.
2. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 2020.
3. Мильнер Ж.-К. Введение в лакановский анализ. СПб.: Алетейя, 2018.
4. Решетников М.М. Психоанализ: учебник. СПб.: Питер, 2019.
5. Фрейд З. Фетишизм // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.
6. Lacan J. *Écrits*. Paris: Seuil, 1966.
7. Lacan J. *Séminaire. Livre X: L'angoisse*. Paris: Seuil, 2004.
8. Lacan J. *Séminaire. Livre XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse*. Paris: Seuil, 1973.

The Criminal's Fetish as a Symptom of a Perverse Structure: Possibilities of Application in Criminological Theory

Alsu A. Eksanova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Social and Humanitarian Sciences,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
603950, 3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: zuikowaalsu@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the fetish in the structure of criminal behavior from the standpoint of Lacanian psychoanalysis, considered as a key to understanding the perverse organization of the subject's psyche. The objective of the work is to substantiate the heuristic potential of J. Lacan's psychoanalytic model for criminological theory, in particular, for explaining the mechanisms of formation and repetition of criminal patterns. Based on the fundamental distinction between neurotic, psychotic, and perverse structures, the author demonstrates that the fetish acts not as an isolated deviation, but as a system-forming symptom that regulates the subject's relationship to the law, symbolic lack, and excessive enjoyment (*jouissance*). Drawing on the categories of object *a*, the signifier, and castration, it is revealed how the fetish sets a specific logic of criminal action, substituting the traumatic rupture of reality with a ritualized scenario of violence or possession. The paper shows that the "signifying" nature of the fetish determines the rigid fixation of place, time, and objects in serial crimes, which opens up new possibilities for forensic typologization and psychological profiling. Comparing clinical logics with criminological realities, the author substantiates the practical applicability of the psychoanalytic perspective for the differential diagnosis of criminal behavior and the prediction of recidivism. In conclusion, the productivity of integrating psychoanalytic concepts into the interdisciplinary toolkit of criminology is inferred, allowing for a transition from describing the external signs of a crime to reconstructing its unconscious matrix.

For citation

Eksanova A.A. (2026) Fetish prestupnika kak simptom perversivnoy struktury: vozmozhnosti primeneniya v teorii kriminologii [The Criminal's Fetish as a Symptom of a Perverse Structure: Possibilities of Application in Criminological Theory]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (6A), pp. 452-459. DOI: 10.34670/AR.2026.58.46.046

Keywords

Criminal theory, fetish, perversion, criminal behavior, symptom, criminal law.

References

1. Dolto, F. (2015). *Bessoznatel'noye i yazyk* [The Unconscious and Language]. Moscow: Gnozis.

-
2. Freud, S. (1990). Fetishizm [Fetishism]. In Psikhologiya bessoznatelnogo [The Psychology of the Unconscious]. Moscow: Prosveshchenie.
 3. Kudryavtsev, V. N., & Eminov, V. E. (Eds.). (2020). Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov [Criminology: A Textbook for Universities]. Moscow: Yurist.
 4. Lacan, J. (1966). Écrits. Paris: Seuil.
 5. Lacan, J. (1973). Séminaire. Livre XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse. Paris: Seuil.
 6. Lacan, J. (2004). Séminaire. Livre X: L'angoisse. Paris: Seuil.
 7. Milner, J.-C. (2018). Vvedeniye v lakanskiy analiz [Introduction to Lacanian Analysis]. St. Petersburg: Aleteia.
 8. Reshetnikov, M. M. (2019). Psikhooanaliz: uchebnik [Psychoanalysis: A Textbook]. St. Petersburg: Piter.